

Т.В.Шмелева

ФИГУРА ЯРОСЛАВА МУДРОГО НА ФОНЕ РУССКОЙ СЛОВЕСНОСТИ

Фигура Ярослава Мудрого анализируется в специфическом аспекте — в отношении к русской словесности. Показана роль князя в освоении христианского антропомикона, традиций наименования городов, почитания святого Георгия и русских святых. Подчеркнуты заслуги Ярослава в распространении на Руси книжной культуры, образования; перечислены жанры словесности, к формированию которых в русской культуре он имеет отношение. Обращено внимание на особое значение деятельности Ярослава для формирования русского права. Множество заслуг Ярослава Мудрого привели к тому, что он стал текстогенной фигурой в масштабе как русской культуры, так и европейской. Перечислены тексты, в которых он фигурирует в качестве героя. Таким образом, доказано, что фигура Ярослава Мудрого на фоне русской словесности выглядит значительной и выходит за рамки его эпохи.

Ключевые слова: Ярослав Мудрый, русская словесность, ономастика, антропомикон, книжная культура, жанры словесности, тексты права

Фигура Ярослава Мудрого неоднократно рассмотрена на фоне истории Древней Руси как единого государства, денежного обращения, распространение на Руси христианства, строительства храмов. Это важные стороны деятельности князя, позволившие говорить о времени его княжения как о «золотом веке» Руси [1]. Но не менее важным представляется увидеть эту фигуру на фоне русской словесности, что и предполагается сделать в данной статье.

Под словесностью имеется в виду все аспекты языковой жизни общества — ее словесная среда, которую составляют языковые запасы разной природы (имена собственные, термины права и ремесла, язык веры и церковных обрядов), обращение текстов в том жанровом репертуаре и фактурных разновидностях, которые свойственны эпохе. Научное понятие словесности принадлежит русской культуре, оно шире понятия литературы, фольклора, объемлет их и теснейшим образом связано со временем, его социальными институтами, общественным устройством. Русская словесность составляет важную часть культуры, высвечивает, фиксирует и отражает ее разные стороны. Ее изучает большой круг филологических наук, от перечисления и характеристики которых в этом случае можно отвлечься [2].

Рассмотрение фигуры Ярослава на фоне русской словесности следует начать с краткой характеристики современной ему словесности. Ярослав родился в Киеве во второй половине XX века. Он был из того поколения русских, кто крестился в детстве и рос в только начавшей распространяться христианской культуре. Это обстоятельство многое определило в жизни и деяниях Ярослава. Христианство, многое изменившее в жизни Руси, принесло существенные перемены в ее языковую жизнь: на Руси, до этого располагавшей только устной культурой, появилась новая фактура речи — письмо — и книга. Устная культура продолжала занимать огромное место в жизни русских XI века [3]. Обновление языковой жизни, формирование ее новых форм — все это не только переживал Ярослав в своей жизни, он принимал в этом обновлении деятельное участие.

Основу словесности как каждодневной языковой практики составляют имена собственные — обозначение людей, пространств своих и чужих, времени и разных событий. Человек входит в эту ономастическую среду, не замечая ее, освоение культуры — это прежде всего узнавание новых имен собственных [4]. Ярослав жил в эпоху, когда в жизнь русских людей входил христианский ономастикон — это имена апостолов, отцов церкви и святых, именования новых для русских людей пространств, на которых происходили события библейской истории, названия праздников, которые теперь отсчитывали время.

Буквально каждого коснулось изменение традиции имянаречения, или антропонимия. Если до принятия христианства ребенка называли родители, то теперь это право перешло к церкви, а она в соответствии с христианскими традициями давала ребенку имя святого, память которого приходилась на день рождения или близкие дни. Конечно, это изменение прошло не в один год, русские сохраняли свои дохристианские имена до XVI века, но ощутило эту перемену острее всего поколение, к которому принадлежал Ярослав.

В крещении он стал Георгием и всю жизнь носил два имени. По два имени получали и его сыновья — одно княжеское семейное, в память о предках [5], а другое — крестильное. Из семейных имен сыновья Ярослава носили имена деда — Владимир, прадеда — Святослав, прапрадеда — Игорь. Остальным сыновьям достались имена, характерные для княжеских семей: Изяслав, Вячеслав, Всеволод. В летописных записях княжичи фигурировали под своими княжескими именами, крестильные имена отмечались не так последовательно, но известно, что Всеволод был в крещении Андрей, Святослав — Николай. А вот дочери Ярослава получали только крестильные имена — Елизавета, Анастасия и Анна, и под этими именами стали монаршими особами в Европе [6].

Таким образом, можно сказать, что Ярослав, не порывая с традициями княжеского имянаречения, способствовал приобщению русских людей к христианскому именнику и укреплению новых антропонимических традиций. Кстати, имена его дочерей и сегодня — в числе популярных женских имен.

Оставил свой след Ярослав и в именовании пространств, или топонимии. Свое имя он сделал фактом русской топонимии, назвав город, основанный им на Волге, «во имя свое» Ярославлем [7]. Этот топоним представляет собой «йотовое» притяжательное прилагательное от имени Ярослав. Называние места по принадлежности — имущественной или символической — некоему лицу распространено в русской топонимии повсеместно: так названы и небольшие деревни, и города, что показано на большом материале в монографии [8]. Грамматическая история таких топонимов очевидна: сначала прилагательное сопровождает обозначение населенного пункта — *Ярославль город*, а затем употребляется как существительное (субстантиват) и самостоятельно обозначает его — *Ярославль*. Притяжательные прилагательные от имени Ярослав зафиксированы в названии не только города, но и других реалий, связанных с князем, например, *Ярославле серебро*, *Суд Ярославль Володимиричь* [9].

Ярославль на современной карте России — не уникальное название города, по такой же модели построено имя города Владимир (первоначально *Владимирь город*, затем *Владимирь*, а затем утрата мягкости и неразличение с антропонимом *Владимир*). Можно назвать и топонимы, близкие по морфемной структуре с Ярославлем (включающие *1erpentetium*) — *Переславль-Рязанский*, *Переяславль-Залесский*, *Лихославль*, *Перемышль* [10]. Следует заметить, что все названные топонимы появились позже Ярославля и это дает основание предполагать, что он мог быть для них прецедентным именем.

Подобное имя присутствует и в Великом Новгороде как городской топоним. Это *Ярославово дворище*, которое фигурирует в летописях сначала как *Ярославль двор* (с 1147 года), потом как *Ярославле дворище*, по данным историков, — с 1447 года. Встречается этот городской топоним и в «вечных грамотах», где он упоминается в выражениях типа «вече на ярославле дворе». В XIX веке ставший архаичным йотовый суффикс притяжательности заменяется на более понятный современникам суффикс —*ов*, и в итоге появляется городской топоним *Ярославово дворище*, как оно отмечено в Путеводителе начала следующего века [11]. В древнем Новгороде таких топонимов было немало, прежде всего названия улиц — Бордова, Павлова, Иворова, Коржова, Федорова, Молоткова, Конюхова [12].

Можно отметить, что круг таких прилагательных, которые выступают не только как топонимы, стал расти с основанием нашего университета, который взял себе имя Ярослава Мудрого. Праздник, отмечающий обретение этого имени и отмечающийся ежегодно 7 декабря, именуется *Ярославов день*. И хотя другие университетские события, посвященные Ярославу, названы по современным законам грамматики с использованием родительного падеж имени князя — *Свеча Ярослава* (праздник университетских медиа), *Богатыри Ярослава* (университетский турнир по силовому экстриму), можно сказать, что университет поддерживает номинативные традиции Древней Руси.

Возвращаясь к Ярославу, следует отметить, что, получив крестильное имя *Георгий*, он многое сделал для почитания святого, великомученика Георгия на Руси. В 1030 году Ярослав основал в «чюдских землях» город и назвал его в честь своего небесного покровителя *Юрьев* — греческое имя Георгий уже тогда стали произносить *Юрий* (а город сейчас называется Тарту).

Таким образом, можно констатировать, что Ярослав стоял у истоков двух топонимических традиций — называть города по своему княжескому имени и по имени своего небесного покровителя. Такие решения тогда были топонимической инновацией, так как большинство населенных пунктов назывались по рекам — главным транспортным артериям. Понятно, что «деантропонимная» традиция, состоящая в образовании названий городов и деревень от имен людей и христианских святых, получила распространение, что могут продемонстрировать такие города, как Санкт-Петербург, Екатеринбург, Новониколаевск (нынешний Новосибирск).

Почитание святого Георгия проявилось и в создании монастырей и храмов. Под Новгородом князь основал Юрьев монастырь. В Киеве построен храм святого Георгия, который был освящен 26 ноября 1053 года, и князь «заповеда по всей Руси творити память праздника святого Георгия», как сказано в проложном сказании об освящении церкви святого мученика Георгия [13]. В народном календаре этот день именуется *Юрьев день*, (*Юрий*, *Егорий*); в отличие от Юрия вешнего (23 апреля), его именовали *Юрий холодный*.

С этими календарными обозначениями сложилось множество речений, часть которых зафиксировано в: словаре В.И.Даля *Один Юрий холодный, другой голодный; Юрий холодный оброк собирает; Весной Георгий с летом, Никола с кормом; в осень Георгий с мостом, Никола с гвоздем*. С холодного Юрья был разрешен переход крестьян от одного хозяина к другому, о чем говорят присловья: *Мужик болит и сохнет по Юрьев день; Крепки ряды Юрьевым днем*. Когда же это правило было отменено, родилась поговорка *Вот тебе, бабушка, и Юрьев день!* [14]. Ее можно считать весьма известной: она включена в словарь поговорок [15], активно используется современными журналистами, став своеобразной формулой, по которой строятся заголовки медийных текстов: *Вот тебе, Кэрролл, и женский день; Вот тебе, бабушка!; Вот тебе, бабушка, и диктатура Закона; Вот тебе, избиратель, и Александров день; Вот тебе, бабушка, и трехсотлетие Петербурга; Вот тебе, бабушка, и ВТО* [16]. К материалам этого словаря можно добавить и другие заголовки: *Юрьев день пенсионной реформы* (Известия. 26.05.2004); *Юрьев день Ирины Денежкиной* (Взгляд. 5.07.2005). Когда в российских медиа активно фигурировала Юлия Тимошенко как премьер-министр Украины, появились заголовки *Вот тебе, бабушка, и Юлин день* (Комсомольская правда. 10.09.2005); *Юльев день* (Известия. 9.02.2009).

Итак, в нашем ономастиконе ощущаются следы присутствия Ярослава Мудрого, его причастности к традициям именования людей, церквей, городов, тем более что часть из них известны до сих пор.

Второй момент русской словесности, на фоне которой фигура Ярослава выглядит особенно значимой, — это утверждение **книжной словесности**. Именно на его жизнь пришелся процесс знакомства русских людей с книгой, письменной словесностью, чтением как новым видом деятельности, тогда же созданы первые литературные произведения на русской земле.

Прежде всего, Ярослав сам приобщился к книжной культуре и, как сообщают летописи, *«книгам прилежаша и почитал е в нощи и в дне»* [17]. Эта характеристика оставалось бы только свидетельством личных достоинств князя, если бы далее не следовала запись о его делах: *«И собра писце мнози и прекладаше от грек на словенское письмо. И писаше книги мнози, ими же поучающе вернии людие наслаждаются учения божественного»* [18]. Из нее следует, что Ярослав организовал скрипторий, где переводились с греческого книги, которых, видимо, еще не было в славянской церковной практике.

Впрочем, историки полагают, что переводились тогда не только церковные книги, но и исторические труды — «Хроники» Георгия Амартола, Иоанна Малалы, Георгия Синкеллы; «История иудейской войны» Иосифа Флавия, роман «Александрия» [19]. Назначение этих текстов понять не трудно: русскому обществу необходимо было осознать себя в мировой истории, «вписаться в ее контекст».

Распространение книжной культуры невозможно без школы, и не удивительно, что именно Ярослав стал основателем образования на Руси — первых русских школ и библиотек. В Новгороде им была открыта школа, куда взяли «триста детей попов и старост». Из этого первого поколения образованных новгородцев, как предполагают ученые, вышел и диакон Григорий, переписавший по заказу Остромира евангелие, получившее имя казачика [20].

«Прилежание книгам» стало фактом семейной культуры Ярослава. Его сыновья — Владимир, Изяслав, Святослав — были владельцами библиотек, для них переписывались книги, может быть, самая известная их которых — Изборник Святослава 1071 года с миниатюрой, изображающей семью владельца. О сыне Ярослава Всеволоде из летописей известно, что он знал пять языков, а его сын — Владимир Мономах стал одним из самых известных древнерусских писателей. Самый же удивительный для рассматриваемой эпохи факт: образованностью отличались и дочери Ярослава; так, автографы Анны Ярославны, ставшей королевой Франции, изучаются как явление письменной культуры средневековой Европы, а привезенное ею в приданом евангелие на славянском языке считается культурным сокровищем и сегодня [21].

Вокруг Ярослава Мудрого объединялись люди, приобщенные к книжной культуре. Это Остромир, Лука Жидята, Иларион... Остромир, как уже сказано, увековечивает свое имя, заказав переписать евангелие для Софийского собора, которое именуют Остромировым. Лука Жидята — новгородский епископ, поставленный Ярославом в 1036 году, создает «Поучение к братии», в котором перечисляются и объясняются евангельские заповеди [22]. Иларион, поставленный Ярославом первым русским митрополитом, что означало самостоятельность русской церкви, создает «Слово о законе и благодати», произнесенное, как полагают историки, в Киеве в присутствии семьи Ярослава.

Это простое перечисление фактов говорит о том, что книжная словесность на Руси уже на самых первых этапах ее освоения, существовала в режиме не только постижения традиций, но и активного включения в них и созидания новых произведений. При этом наиболее важным моментом освоения книжной культуры оказывается появление новых тогда **жанров**, которые выросли в традиции русской словесности. И к этому процессу оказывается деятельно причастным Ярослав Мудрый.

Жанр поучения, занимающий определяющее место в древнерусской словесности, восходит к «Поучению братии» Луки Жидяты, которое легло в основание учительной традиции русской словесности. Эту традицию видят и в завещании Ярослава, которым он «урядил сынов своих пребывать в любви» [23], а ее взлет — в «Поучении» внука Ярослава — Владимира Мономаха. В этом произведении, по наблюдениям исследователей, цитируются тексты Псалтыри, Пророчества Исаии, Поучения Василия Великого, Апостольских посланий и других произведений церковной словесности [24], что говорит о том, что жанр поучения развивается в контексте мировой христианской литературы, а позднее вырастает в обостренное нравственное чувство русской литературы.

Проповеднический **жанр слова**, выросший в древнерусской литературе в мощную традицию, восходит к «Слову о законе и благодати» Илариона Киевского. Оно, как уже сказано, было произнесено в присутствии семьи Ярослава, который был не только адресатом этого текста, но и его героем: хвала князю, который стал продолжателем дел отца, составляет значительную часть текста [25]. В этом жанре видят истоки публицистичности русской литературы, ее сосредоточенность на судьбах страны, ее месте в мировой истории и культуре.

Жанр жития в его становлении имеет непосредственное отношение к Ярославу. Он многое сделал для того, чтобы его братья-страстотерпы Борис и Глеб стали почитаться как первые русские святые. И хотя их официальная канонизация происходит только в 1072 году, уже после смерти Ярослава, культ святых Бориса и Глеба складывается при нем и с его участием. После того, как в Вышгороде сгорела церковь, где были погребены братья, Ярослав построил сначала часовню, а потом церковь, куда были перенесены их тела и где стали происходить чудеса, прежде всего чудесные исцеления. Перед самой смертью, тяжело больным, Ярослав отправляется из Киева в Вышгород, чтобы помолиться о своем здравии у гробницы своих святых братьев. Все

эти события позднее были отражены в «Сказании о святых мучениках Борисе и Глебе» — одном из первых русских агиографических произведений [26].

Каждый из этих жанров и их развитие в русской словесности, сформировавшее особые традиции заслуживает, разумеется, более обширного рассмотрения. Каждый из них изучается филологами пристально и разносторонне. Из последних работ такого рода следует назвать монографию Д.Б.Терешкиной, где исследовано проявление житийного кода в разных текстах русской литературы XIX и XX вв. [27]. Здесь же важно обратить внимание, что к каждому из них имеет отношение Ярослав Мудрый.

Особо следует подчеркнуть роль Ярослава в формировании языка русского права. Основой русской деловой словесности стал **жанр писаных законов**, или Правда Ярослава: этот первый текст в этом жанре вышел буквально из-под его руки. Появившись в Новгороде в драматической ситуации 1015 года, он лег в основу русских судебных и более поздних законов. В этом документе, а также ряде «уставов» — «Покон вирный», «Урок мостникам», «Устав о церковных судах» — Ярославу удалось соединить русское обычное право и принципы византийского законодательства. Показательно, что работу над законами продолжили сыновья Ярослава: история русского права знает и Правду Ярославичей [28].

Нельзя не отметить и то, что Ярослав стал текстогенной фигурой: его личность вошла в произведения словесности. Он присутствует в легендах об основании Ярославля, летописях [29], в литературных произведениях более поздних эпох — исторических сочинениях В.Н.Татищева, М.Н.Карамзина, драме П.Ю.Львова «Великий князь Ярослав I на берегах Волги. Повесть о построении города Ярославля» (М., 1820). Из современных книг можно напомнить о цитированной здесь книге А.Карпова «Ярослав Мудрый», вышедшей в серии «Жизнь замечательных людей» в 2010 году уже третьим изданием. Научный дискурс невозможен без фигуры Ярослава, из множества работ назовем упоминавшийся сборник статей «Новгородская земля в эпоху Ярослава Мудрого (источники и исследования)», изданную в Великом Новгороде. Организуемый этими текстами дискурс Ярослава Мудрого входит в дискурс Новгорода, древнерусской истории, православия. Разумеется, Ярославу посвящено много научно-популярных и публицистических статей, перечислить которые здесь просто невозможно.

Ярослав Мудрый — фигура европейского масштаба, и его текстогенность проявляется в интеллектуальном пространстве Европе. Упоминания о нем находят в польских, английских и немецких хрониках, в скандинавских сагах, где он именуется «конунг Ярицлейв» [30]. В Европе эпохи Ярослава Мудрого, еще не разделенной на две христианские церкви, он был не только известной, но и весьма почитаемой персоной, породниться с ним считали за честь европейские монархи — отсюда внимание в его личности и событиям, связанным с ним.

Итак, заслуги Ярослава Мудрого перед русской словесностью неопределимы: он способствовал формированию русского ономастикона в освоении христианства, сложению важнейших жанров русской словесности — поучения, слова, жития, писаных законов. Вокруг его фигуры сложился особый дискурс русской культуры, который составляют тексты исторической, православной и художественной литературы, живописи, скульптуры и кинематографа. И, что приятно отметить, наш университет способствует не только актуализации, но и обогащению этого дискурса.

1. Карпов А.Ю. Ярослав Мудрый. Изд. 3-е, испр. М., 2010. 581 с.
2. Чувакин А.А. Основы филологии. М., 2011. 240 с.; Аннушкин В.И. Основы русской филологии. М., 2015. 128 с.; Шмелева Т.В. Новгородская словесность. Великий Новгород, 2016. 183 с.; Шмелева Т.В. Колыбель русской словесности // Новгородская земля в эпоху Ярослава Мудрого (источники и исследования). Великий Новгород, 2010. С. 335-349.
3. Гиппиус А. А. Социокультурная динамика письма в Древней Руси (О книге: S. Franklin. Writing, Society and Culture. Early Rus. Cambridge, 2002) // Русский язык в научном освещении. 2004. № 1. С. 171-194.
4. Шмелева Т.В. Ономастика. Славянск-на-Кубани, 2013. 157 с.
5. Литвина А.Ф., Успенский Ф.Б. Выбор имени у русских князей в X—XVI вв. Династическая история сквозь призму антропонимики. М., 2006. 904 с.
6. Карпов А. Ю. Указ. соч.
7. Впервые упоминается в летописи в 1071 году; предание относит его основание к 1010 году. Поспелов Е.М. Географические названия России. Топонимический словарь. М., 2008. С. 517.
8. Васильев В.Л. Архангелская топонимия Новгородской земли. Великий Новгород, 2005. 468 с.
9. Зверев С.В. «Ярославле серебро». Особенности оформления и техники изготовления // Новгородская земля... С. 264-283; Свердлов М.Б. Правда Русская. История текста. Великий Новгород, 2015. С. 139-144.
10. Поспелов Г.М. Указ. соч. С. 275, 346, 347.
11. Ласковский В.П. Путеводитель по Новгороду. Торговая сторона. Пособие при обозрении города и его ближайших окрестностей, его святынь и древностей. Адаптированное и иллюстрированное издание на основе книги Новгородского общества любителей древностей 1910 года. СПб.: Алаборг, 2008. С. 5-12.
12. Названия улиц Торговой стороны взяты из «описания, почерпнутого из Нарядной описи, сему городу деланной 1623 года...» в книге: Евгений (Болховитинов). Исторические разговоры о древностях Великого Новгорода; сост. С.А.Коварская, Н.И.Морылева; вступит. ст. Л.А.Секретарь, А.А.Селин. Великий Новгород, 2009. С. 94-96.
13. Карпов А.Ю. Указ. соч. С. 559.
14. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. Т. 4. СПб, М., 1882. С. 669.
15. Мокиенко В.М., Никитина Т.Г. Большой словарь русских поговорок. М., 2008. 783 с.
16. Князев Ю.П. Словарь живых крылатых выражений русского языка. М., 2010. 793 с.
17. История всемирной литературы: В 9 т. Т.2. М., 1984. С. 415.

18. Там же. С. 20.
19. Там же. С. 29-32; Карпов А.Ю. Указ. соч. С. 314-315.
20. Гиппиус А.А. Указ. соч.
21. Жуковская Л.П. Реймское евангелие. М., 1978; Холодильни А.Н. Автографы Анны Ярославны — королевы Франции // Русская речь. 1985. № 2. С. 109-113; Макаров В. Героиня рыцарского романа // Новгородские ведомости. 26.01.2002.
22. Мильков В.В. Новгородский святитель Лука: характер деятельности и идейные аспекты творчества // Новгородская земля ... С. 198-238.
23. История... С. 284-287; Мильков В.В. Указ соч. С. 214-238.
24. История ... С. 57-58.
25. Карпов А.Ю. Указ. соч. С. 403-409.
26. Первым считается Житие Феодосия Печерского, однако оно не дошло до нас. История русской литературы... С. 50-56.
27. Терешкина Д.Б. «Четьи-Миней» и русская словесность Нового времени: монография. Великий Новгород, 2015. 332 с.
28. Сverdlov M.B. Pravda Russkaya...
29. Азбелев С.Н. Ярослав Мудрый в летописях // Новгородская... С. 5-81.
30. Джексон Т.Н. Ярослав Мудрый в сагах // Там же. С. 82-145.

References

1. Karpov A.Yu. Yaroslav Mudryy. Izd. 3-e, ispr. M., 2010. 581 s.
2. Chuvakin A.A. Osnovy filologii. M., 2011. 240 s.; Annushkin V.I. Osnovy russkoy filologii. M., 2015. 128 s.; Shmeleva T.V. Novgorodskaya slovesnost'. Velikiy Novgorod, 2016. 183 s.; Shmeleva T.V. Kolybel' russkoy slovesnosti // Novgorodskaya zemlya v epokhu Yaroslava Mudrogo (istochniki i issledovaniya). Velikiy Novgorod, 2010. S. 335-349.
3. Gippius A. A. Sotsiokul'turnaya dinamika pis'ma v Drevney Rusi (O knige: S. Franklin. Writing, Society and Culture. Early Rus. Cambridge, 2002) // Russkiy yazyk v nauchnom osveshchenii. 2004. № 1. S. 171-194.
4. Shmeleva T.V. Onomastika. Slavyansk-na-Kubani, 2013. 157 s.
5. Litvina A.F., Uspenskiy F.B. Vybory imeni u russkikh knyazey v X—XVI vv. Dinasticheskaya istoriya skvoz' prizmu antroponomimiki. M., 2006. 904 s.
6. Karpov A. Yu. Ukaz. soch.
7. Vpervye upominaetsya v letopisi v 1071 godu; predanie otnosit ego osnovanie k 1010 godu. Pospelov E.M. Geograficheskie nazvaniya Rossii. Toponimicheskii slovar'. M., 2008. S. 517.
8. Vasil'ev V.L. Arkhaicheskaya toponimiya Novgorodskoy zemli. Velikiy Novgorod, 2005. 468 s.
9. Zverev S.V. «Yaroslavle serebro». Osobennosti oformleniya i tekhniki izgotovleniya // Novgorodskaya zemlya... S. 264-283; Sverdlov M.B. Pravda Russkaya. Istoriya teksta. Velikiy Novgorod, 2015. S. 139-144.
10. Pospelov G.M. Ukaz. soch. S. 275, 346, 347.
11. Laskovskiy V.P. Putevoditel' po Novgorodu. Torgovaya storona. Posobie pri obozrenii goroda i ego blizhayshikh okrestnostey, ego svyatykh i drevnostey. Adaptirovannoe i ill'yustrirovannoe izdanie na osnove knigi Novgorodskogo obshchestva lyubiteley drevnostey 1910 goda. SPb.: Alaborg, 2008. S. 5-12.
12. Nazvaniya ulits Torgovoy storony vzyaty iz «opisaniya, pocherpnutogo iz Naryadnoy opisi, semu gorodu delannoy 1623 goda...» v knige: Evgeniy (Bol'khovitinov). Istoricheskie razgovory o drevnostyakh Velikogo Novgoroda; sost. S.A.Kovarskaya, N.I.Moryleva; vstupit. st. L.A.Sekretar', A.A.Selin. Velikiy Novgorod, 2009. S. 94-96.
13. Karpov A.Yu. Ukaz. soch. S. 559.
14. Dal' V.I. Tolkovyy slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka: V 4 t. T. 4. SPb, M., 1882. S. 669.
15. Mokienko V.M., Nikitina T.G. Bol'shoy slovar' russkikh pogovorok. M., 2008. 783 s.
16. Knyazev Yu.P. Slovar' zhivyykh krylatykh vyrazheniy russkogo yazyka. M., 2010. 793 s.
17. Istoriya vseмирnoy literatury: V 9 t. T.2. M., 1984. S. 415.
18. Tam zhe. S. 20.
19. Tam zhe. S. 29-32; Karpov A.Yu. Ukaz. soch. S. 314-315.
20. Gippius A.A. Ukaz. soch.
21. Zhukovskaya L.P. Reymsskoe evangelie. M., 1978; Kholodilin A.N. Avtografy Anny Yaroslavny — korolevy Frantsii // Russkaya rech'. 1985. № 2. S. 109-113; Makarov V. Geroinya rytsarskogo romana // Novgorodskie vedomosti. 26.01.2002.
22. Mil'kov V.V. Novgorodskiy svyatitel' Luka: kharakter deyatel'nosti i ideynye aspekty tvorchestva // Novgorodskaya zemlya ... S. 198-238.
23. Istoriya... S. 284-287; Mil'kov V.V. Ukaz soch. S. 214-238.
24. Istoriya ... S. 57-58.
25. Karpov A.Yu. Ukaz. soch. S. 403-409.
26. Pervym schitaetsya Zhitie Feodosiya Pecherskogo, odnako ono ne doshlo do nas. Istoriya russkoy literatury... S. 50-56.
27. Tereshkina D.B. «Chet'i-Minei» i russkaya slovesnost' Novogo vremeni: monografiya. Velikiy Novgorod, 2015. 332 s.
28. Sverdlov M.B. Pravda Russkaya...
29. Azbelev S.N. Yaroslav Mudryy v letopisyakh // Novgorodskaya... S. 5-81.
30. Dzhakson T.N. Yaroslav Mudryy v sagakh // Tam zhe. S. 82-145.

Shmeleva T.V. The person of Yaroslav the Wise in relation to Russian literature. In the article, the person of Yaroslav the Wise is analyzed in a specific aspect — in relation to Russian literature. The role of the prince in mastering the Christian anthropomicon, traditions of naming cities, veneration of St. George and Russian saints is shown. Yaroslav's merits in spreading book culture and education in Russia were emphasized; the genres of literature are listed, to the formation of which in Russian culture it is relevant. Attention is drawn to the special significance of Yaroslav's activity for the formation of Russian law. A lot of the merits of Yaroslav the Wise led to the fact that he became a textual figure on the scale of both Russian culture and European culture. The texts in which he appears as a hero are listed. Thus, it is proved that the figure of Yaroslav the Wise against the background of Russian literature looks significant and goes beyond the framework of his era.

Keywords: Yaroslav the Wise, Russian literature, onomastics, anthropomicon, book culture, genres of literature, texts of law.

Сведения об авторах. Т.В.Шмелева — доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры журналистики ИГУМ НовГУ им. Ярослава Мудрого; szmiel@mail.ru.

Статья публикуется впервые. Поступила в редакцию 01.12.2017.